

мер согласно п. 2 ст. 397 Устава о содержащихся под стражей» [18].

Таким образом, можем констатировать: успехам в построении ярославского «экономического чуда за решёткой» в известной мере препятствовало разделение ЯИАО на два далеко отстоящих друг от друга помещения, что порождало своего рода «ведомственный сепаратизм». Конфликт оказался исчерпанным только в 1910 г., когда Главное помеще-

ние ЯИАО, «что в Коровниках», было преобразовано в Ярославскую Временно-каторжную тюрьму, а собственно исправительным арестантским отделением стало Дополнительное помещение, «что на Угличской улице», чей руководитель утратил статус помощника начальника коровницкого отделения и стал полноправным начальником ЯИАО.

Примечания

1. См.: Коняев, А.Е. Экономические аспекты деятельности тюрем г. Ярославля начала XX в. [Текст] / А.Е. Коняев // Молодёжь. Образование. Экономика. 7-я Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных, студентов и аспирантов: сборник статей / МЭСИ, Ярославский филиал. – Ярославль, 2006. – С. 81-85.
2. ГАЯО. – Ф. 335. – О. 1. – Д. 3. – Л. 15.
3. Там же. – Л. 24-24-об.
4. Там же. – Л. 25-25-об.
5. Подробнее см.: ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 85. – Л. 34-34-об.
6. ГАЯО. – Ф. 335. – О. 1. – Д. 3. – Л. 28-об.-29.
7. См.: Коняев, А.Е. Дореволюционная ярославская тюрьма – феномен российской пенитенциарной системы [Текст] / А.Е. Коняев // Социальная история российской провинции: материалы Всероссийской научной конференции / Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2007. – С. 226-231.
8. Коняев, А. Бизнес за решёткой [Текст] / Александр Коняев // Городские новости. – 2007. – 7 ноября; Коняев, А. Коровницкие землевладельцы [Текст] / Александр Коняев // Губернский город. – 2007. – № 12. – С. 62-64; Коняев, А. Риэлторы из-за решётки [Текст] // Квартиры и цены. – 2007. – 30 июля – С. 13-15.
9. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 35. – Л. 76-об.
10. Коняев, А.Е. «Экономическое чудо» за решёткой. Ярославская городская тюрьма начала XX века как исторический феномен [Текст] / А.Е. Коняев // Актуальные проблемы современной экономической науки. 6-7 декабря 2005 г.: материалы конференции / Российский государственный гуманитарный университет, филиал в г. Ярославле. – Ярославль, 2006. – С. 106.
11. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 386. – Л. 6.
12. Там же. – Л. 9.
13. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 299. – Л. 24.
14. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 303. – Л. 88-об.
15. Там же. – Л. 88.
16. Там же. – Л. 88-об.
17. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 302. – Л. 23-23-об.; 25.
18. Там же. – Л. 25-об.

Г.В. Мурзо

НЕ ТОЛЬКО ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ: ПИСЬМА К.Ф. НЕКРАСОВА К С.Л. ЩЕРБА

В основу статьи положены письма Константина Федоровича Некрасова к жене Софье Леонидовне Щерба. Это эпистолярное наследие, состоящее из 150 посланий, охватывает 1910-1917 годы, чрезвычайно важные в жизни Некрасова. Письма задали пространственную перспективу и временную динамику ее описания. Нарушив приватность героя, они стали не только материалом изучения, но и психоаналитическим инструментом реконструкции его личности.

NOT ONLY THE PRIVATE LIFE: K.F. NEKRASOV'S LETTERS TO S.L. SHCHERBA

The basis of the article are the letters by Konstantin Fedorovich Nekrasov to the wife Sophia Leonidovna Shcherba. This epistolary heritage consisting of 150 messages covers the period from 1910-1917 which are extremely important in the life of Nekrasov. The letters gave the space perspective and time dynamics of her description. Having broken the privacy of the hero they became not only the material for research but also a psycho-analytical instrument of his person reconstruction.

Общение мужчины с женщиной, женой – особый мир, автономный, но не оторванный от внешнего мира – вселенной человеческих отношений. Даже сама форма и степень взаимодействия этих миров значимы. Поэтому назовем обстоятельства и людей, которые повлияли на самоидентификацию героя и на его восприятие окружающими, в числе которых была и С.Л. Щерба.

К началу переписки с Софьей Леонидовной Константинову Федоровичу 37 лет¹. Он человек со сложившимся характером и образом жизни. За его плечами нереализованная карьера военного, попытка приобщиться к сельскохозяйственной деятельности своего отца и земская работа в Пошехонском и Ярославском уездах родной губернии. Высокий общественный статус К.Ф. Некрасова определялся принадлежностью к знаменитой фамилии и членством в Первой государственной думе: вместе с известным политическим деятелем князем Д.И. Шаховским² и журналистом-популяризатором юридической науки Н.П. Дружининым³ он представлял партию кадетов⁴ от Ярославля.

После роспуска Думы и участия Некрасова в подготовке «Выборгского воззвания», заклеившего произвол власти, решением петербургского суда его в числе других подписантов лишили права избираться [2. С. 262-271] и приговорили к трехмесячному заключению. В 1908 г. Некрасов и Д.И. Шаховской отбывали его в ярославской Коровниковской тюрьме. Именно там получили определенность планы издательской деятельности Некрасова [3. С. 160].

О влиянии на них Д.И. Шаховского говорят и два его письма 1907 г. к Некрасову в Москву, где тот временно проживал в меблированных комнатах «Централь» на Б. Дмитровке [4. Л.1-2]. В обращениях внятно прокламировался партийный интерес князя⁵.

В 1909 г. Некрасов и Н.П. Дружинин стали учредителями общественно-политической газеты «Голос», первый номер которой увидел свет 19 февраля. Уделяя главное внимание разработке вопросов местной жизни, в их подаче издатели сохранили верность своим убеждениям, но отказались от «грубой агитации» в пользу культурно-просветительской работы. Публикации не только Н.П. Дружинина, первого редактора «Голоса», но и Д.И. Шаховского были часты и весьма разнообразны. Кроме прочих, они рассматривали проблему воспитания молодежи и школьного строительства, к которому Д.И. Шаховской тоже имел отношение.

В этой сфере вновь пересеклись их с Некрасовым устремления. Последний был членом общества «Молодая жизнь», занимавшегося организацией детских площадок, садов, связанных с ними форм досуга (игры и танцы, гимнастика и спектакли), загородных колоний-дач, дневного приюта для малолетних⁶. Акции общества последовательно освещались на страницах «Голоса» и еженедельного иллюстрированного приложения к нему – литературно-краеведческого журнала «Ярославские зарницы», начавшего выходить в 1910 г.

Будучи владельцем типографии и контролируя производство газеты, Некрасов приобщился и к журналистской профессии. Хотя печатался он нечасто, его публичные выступления обнаруживали критический взгляд на действительность и деятельную жизненную позицию. К примеру, одно из них было ответом на резкую газетную реплику в сторону кадетов и называлось «Несколько слов по поводу неоплаченных векселей», а другое предваряло статью «Как заботится город Цюрих о своих детях» и содержало осуждение тех, кто отбирает у ярославских детей Горяиновский сад, чтобы отдать его под учительский институт: «Разве в городе нет дру-

гого места, что одно культурное начинание приходится строить, превратив раньше в развалины другое!» [6. С. 3]. Культурные и политические интересы сосуществовали, а о верности Некрасова идеалам, о самом человеческом идеале говорила публикация, что воздавала благодарную память земляку, «честному, прямому, бескомпромиссному», посвятившему себя «изнурительной подчас работе на благо народа»⁷ [8. С. 4].

Все сказанное позволяет акцентировать внимание на таких качествах Некрасова, как устойчивость политических и нравственных приоритетов, вера в престиж общественной пользы, организаторский дар и разнообразие способов его применения, тяга к письменному слову.

О Софье Леонидовне известно мало: в то время ей 31 год [3. С. 229], она живет раздельно с первым мужем, воспитывает дочь. Можно утверждать, что, кроме обычной в этом случае «приязни», общественные заботы сблизили ее с Некрасовым. Софья Леонидовна помогала ему на посту председателя правления «Молодой жизни». Эту роль Некрасов взял на себя в связи с болезнью предшественника⁸; курировал деятельность загородных дач, обеспечивая им финансовую помощь и поддержку Городской думы [7. С. 20].

Короткая записка от 28 августа 1910 г. [10. Л. 1] не проясняет взаимоотношений Некрасова и С.Л. Щерба. Обращение «Дорогая (милая) Софья Леонидовна» долго будет неизменным, как единственной останется и подпись «Ваш К. Некрасов». Но сообщение о спешном отъезде «в деревню», потому что «там опять что-то плохо», без уточнения обстоятельств, говорит о ее осведомленности в его делах. Мы склонны считать, что речь идет о помешавшей их встрече поездке Некрасова в Карабаху из-за проблем расположенной в этой местности дачной колонии.

Важнее то, что эта записка открывает «серию» коротких писем, регулирующих общение: они назначают встречу или ее отменяют; иногда, правда, весьма условно определяют ее характер, указывают на знакомых, на известные обоим события или ранее произнесенные слова. Вот пример таких посланий:

«Милая София Леонидовна, сегодня у нас правление и отчет, а отчет не готов. Сознаться, что напутал я Пишу Алексею Васильевичу и прошу его ко мне в 7 час. вечера.

Приходите и вы. Вместе закончим отчет и пойдем в правление...» [21. Л. 3];

«Как Вы могли подумать, дорогая Софья Леонидовна, что мои слова относятся к Вам. К Вам-то в каком случае? ... И вообще, нехорошо хандрить. Письмо я, конечно, не верну; оно дорого мне как выражение Вашей симпатии. Сам приду с удовольствием, а Вы напоите меня чаем, я расскажу Вам о наших проектах ... Сегодня доклад Н.П. Дружинина] в юрид. общ., и мне надо бы пойти, но ужасно не хочется, а, с другой стороны, хочется повидать Вас. Пока до свидания» [21. Л. 2];

«...Зайду к Вам сегодня часов в 11, когда Вы придете с концерта. На концерт не пойду, устал...» [21. Л. 6];

«...Вчера был у Н.П.; просидели долго, а сегодня ... только что вернулся. Приду завтра, если вы не пойдете в театр...» [21. Л. 10];

«...Наконец кончились мои мытарства, и я опять в доме [после вынужденного проживания вне дома, скажем, в гостинице. – Г.М.]. Наслаждаюсь сознанием, что мне никто не позвонит по телефону, что не надо никуда идти и что есть можно дома. Сейчас с наслаждением полезу в ванну Может быть, зайдете Буду рад и жду» [2. Л. 12];

«...Все время в деревне и сейчас еду туда. Сегодня консилиум. У мамы новое несчастье: закупорка артерий на руке Извозчик подан, еду с сестрой. Будьте здоровы; может быть, зайду в субботу, но не знаю...» [21. Л. 24];

«...Сейчас уезжаю в Москву, а в воскресенье в Крым. Не было времени даже зайти к Вам...» [21. Л. 9].

Был на них ответ; вероятно, и упреки (содержание писем позволяет это предположить). Сами они нам не явлены, но реакция Некрасова на непонимание, нежелание письменных объяснений очевидны:

«...Много в Ваших [словах] неверно, но сейчас писать нет времени. ... Завтра поговорим обо всем» [21. Л. 8];

«...Вы меня не так и не хорошо поняли. Подумал ли я о Вас что-нибудь худое? Даю Вам слово, что ни на секунду. И как вам не грешно мучиться этим. Я в письме не умею Вам объяснить этого, но в Москве мы поговорим» [21. Л. 5].

Беглые, безыскусные строки таких посланий, вся их графика (к сожалению, изме-

ненная нашими купюрами) дают почувствовать ритм спокойной речи, тон обращения, неизменно доброжелательный, и почти столь же неизменный деловитый настрой пишущего.

Коротким письмам, переданным с посылным, противостоят развернутые, пришедшие издали, когда разлука требует выполнения неизвестного другому фрагмента жизни – авторской версии биографии – с учетом интереса адресата. У этих писем свой модус, своя «знаковая система».

Возьмем три октябрьских послания 1910 г. из Ялты, где Константин Федорович по сложившейся привычке подлечивался и отдыхал, иногда вместе с матерью Натальей Павловной:

«...Желаю Вам не забывать старых друзей, особенно, если они находятся в столь бедственном положении, как я. Каждый день бываю на почте, но получить не могу ничего. Даже чиновник признает меня и следит за моими письмами и газетами; он, конечно, уверен, что про газеты я спрашиваю только так, для отвода глаз, на самом же деле он, вероятно, считает меня обманутым мужем, терзаемым муками ревности; в глубине души он сочувствует моей предполагаемой жене; наружно ..., перекопав письма, жалостливым тоном говорит мне: “Ничего нет”» [10. Л. 2-2 об.].

Перед нами исключительный образец «заигрывающего» поведения адресанта. Романтические интенции породили ассоциативную усложненность речи. Элементы «драматизации» соседствуют с «исповедью» не без намеков и преувеличений, находят выражение эмоции – для них появляется время:

«Скука здесь потрясающая ... Спасаясь сном и пищей: сплю 12 часов в сутки, ем в таком же роде. Дошел до того, что сегодня пошел в кинематограф и высидел всю программу. ... Даже встречные участливо поглядывали на меня и качали головами.

Думаю приняться за водолечение, хотя и не слышал, чтобы от скуки лечились водой. ... Мама просит пожить еще, а то бы я живо собрался домой. Ну, пока всего хорошего, будьте здоровы и питайте» [10. Л. 2 об.-3 об.].

Прощаясь, просит не забыть «выставить себе баллы за поведение и самочувствие» – оговоренная заранее игровая процедура. Позже станет ясно, что Софья Леонидовна не

была человеком крепкого здоровья, и внимание Некрасова к нему делается постоянной составляющей писем. А вот о «поведении» он будет говорить крайне редко (чаще – об излишней мнительности и хандре), не делая предметом обсуждения и чувства.

Сокровенное пространство их общей жизни еще только складывалось, и частью его было «дело». Фразы, по тону выпадающие из чуть кокетливого контекста: «Как идут дела?», «В общем, очевидно, что отдохнуть я разучился и бездействие меня томит», будут конкретизированы в дальнейшем убедительным количеством фактов.

Пока же полезно отметить, что в Константине Федоровиче естественным образом сочетались цепкий хозяйственный взгляд на окружающее, трезвая его оценка, небезосновательные прогнозы, подчас нескрываемая коммерциализация наблюдений и при этом эпикурейское отношение к природе, умение получать удовольствие также от немногочисленных удобств, эстетизация переживаний, стремление к литературной форме их фиксации. Его изобразительные высказывания определяли зоны прекрасного, критические суждения – проблемные узлы жизни:

«...Сегодня получил от Вас второе письмо. Как долго здесь идут письма, прямо возмутительно, а между тем газеты [московские и петербургские. – Г.М.] приходят на третий день»;

«...У нас совсем не так хорошо, как Вам кажется; уже несколько дней штормит, и море сердится и ревет. Красиво, но холодно»;

«...Наблюдаю местную жизнь», «сейчас даже пойду в гор. Думу»;

«...Порядки здесь плохие, и можно только удивляться, как мало сделано городом из такого чудесного уголка. Вы, наверное, помните, какое множество пустырей и в самой Ялте, и вообще по побережью. А между тем цены на землю чудовищные...».

Тут же признается, что больше любит Кавказ и думает, что он «оттянет от Крыма значительную часть публики». Вскользь отмечает, что поход в Думу, из-за которого он пропустил обед, не стоил того: заседание важное, о железной дороге, но «думские ораторы плоховаты», а порядки и вовсе «никуда не годятся» – «рассказывать долго и скучно». Когда останавливается на другом, появляется

ирония и – набросок вполне в чеховском духе:

«Образ жизни я здесь веду петербургский: завтракаю в 1 ч. дня, обедаю в восьмом и нахожу это удобным. Для человека, который решительно ничем не занят, это, действительно, удобно. Питаюсь в «России», где кормят очень хорошо и под музыку. Публика меня окружает самая изысканная: все больше генералы и жены в необъятных шляпках. Хорошеньких под этими шляпками – мало, но все же есть. Впрочем, к сожалению, лучше сказать, были и сбежали от плохой погоды».

Порыв «проехать на Кавказское побережье», что выдает в пишущем человека весьма мобильного, подавлен; пришло желанное равновесие, проявляющееся и во внимании к матери:

«Скоро уеду отсюда, хотя теперь ... не хочется ехать на север, в холод. Жаль Крыма. Погода исправилась; сижу с открытым балконом, солнце, тепло, гуляю без пальто Почти каждый день езжу куда-нибудь в окрестности. Мама поправляется, недавно возил ее в Массандру. Сегодня, пожалуй, опять поедем на Учан-Су».

И вновь перо оставляет любопытную картинку, свидетельствующую об эстетских «замашках» автора:

«Хорошо здесь, но все как-то ужасно миниатюрно. Осип Дымов [писатель, сотрудничавший с «Голосом». – Г. М.] сказал бы портативно. ... Горы какие-то маленькие, краски жидкие, акварельные. Сюда ... приезжать только отдыхать; здесь ничего не волнует, не тревожит. Люди ... тоже маленькие и потешные; ... в Думу здесь можно ходить вместо оперетки».

Интонация меняется, как только мысль Некрасова сосредоточивается на адресате: появляются покровительственные нотки, порицающий жест (кстати, не однажды повторяющийся в своеобразных «ремарках» к эпистолярному диалогу):

«Получил Ваше письмо и укоризненно покачал головой. Вы все та же: выдумываете себе разные небылицы и потом тревожитесь и беспокоитесь. В жизни и так довольно неприятного, и, право, не стоит еще выдумывать себе неприятности несуществующие» [10. Л. 4-7 об.].

Два январские письма 1911 г. [11. Л. 1-4], длинные и откровенные, посланные Софье

Леонидовне из Москвы, куда Некрасова увели дела, а также необходимость точного диагноза и усиленного лечения обострившейся хвори, говорят о близости их жизненных орбит:

«Доехал я великолепно. Занял купе 1 кл., сказал, чтобы ко мне никого не пускали и велел кондуктору зайти... перед Ростовом и Троицей [Троице-Сергиевская лавра, сейчас платформа «Сергиев Посад». – Г.М.]. В Ростове выпил чаю, а у Троицы кондуктор меня забыл. Из вагона не выходил ни разу, но в Москву приехал голодный, как волк. ... Пришлось ехать в Метрополь, куда зашел ко мне Воротников. Часок посидели, поболтали. Воротников сияет, в восторге от Вл. И. Немировича-Данченко, с которым беседует каждый день о том, кого взять из художественного театра. Вообще, как видно, на него возлагаются большие надежды, и надо думать, что он их оправдает»⁹.

Рассказанное в письме не выглядит простым «интересничанием», фиксирующим завидный круг знакомств и увлечений Некрасова. Любовь к театру была неподдельной (позже она проявится в мечте иметь свою антрепризу [24. С. 42], попытке издавать альманах «Русский театр», а в тот момент порождала желание говорить о нем). Софью Леонидовну, судя по некоторым письмам, тоже можно назвать театралкой.

Интимизировала общение тема здоровья:

«Чувствую себя хорошо; вчера вечером t была 37,5. Послал мокроту на исследование ... Брата не видел¹⁰. Свои дела отложил. Сижу и читаю. ... В гостинице удобно; здесь есть слуга, который нас всех [Некрасовых? – Г.М.] знает. Он может за мной ухаживать ..., но пока этого не требуется».

И уже через день: «...t не поднимается выше 37,5»; «Исследование мокроты получил; чахоточных палочек нет»;

«Даже силы у меня восстановились, и я не лежу. Вчера был на выставке Союза р[усских] художников. Некоторые виды очень хороши. Вечером после долгих колебаний пошел в Худож. театр на 2-ую часть Карамазовых».

Оправдав скукою «прогулки», нарушившие запреты, Некрасов переходил к размышлению о причинах обманутого ожидания:

«Впечатление сильное и тяжелое. Хотел уйти в первом антракте, решил, что не создан для театра, но как-то случайно вернулся на свое место; то же повторилось и во втором Овладевает какое-то безволие, хочется еще потрепать нервы, так и сидишь до конца».

Несмотря на эмоциональный плен, Некрасов дал вполне рациональную оценку увиденному, продемонстрировав склонность к обоснованным суждениям:

«Постановка стилизованная; мне не нравится, хотя привыкаешь. “Чтец” мешает, но это хорошо, ибо он ослабляет нарастающее ужасное впечатление и дает нервам отдых. Играют все лучшие, но не все хорошо. В отрывочных сценах нельзя войти в роль. В общем, по-моему, опыт надо признать неудачным и ненужным; так думает и публика, ибо билет я достал без труда перед самым спектаклем».

Сообщив, что пробудет в Москве еще дня 2-3, чтобы завершить дела, которые, как якобы послушный больной, он «делает потихоньку», прощается по-свойски: «Черкните».

Вполне возможно, что именно тогда Некрасов готовил почву для воплощения нового проекта¹¹: весну 1911 г. принято считать временем рождения книгоиздательства, которому Некрасов дал свое имя.

Переписка с Софьей Леонидовной возобновилась летом в связи с ее отъездом в Варшаву [11. Л. 5-7 об.]:

«Веду переговоры об одной интересной книжке; ее переводит с английского Борис Зайцев, предисловие же пишет П. Муратов¹²».

Это «Ватек» Бекфорда¹³ – первая из книг, выпущенных Некрасовым, получивших лестную оценку литературной общественности и, вместе с прочими, обусловивших высокую репутацию нового московско-ярославского книгоиздательства¹⁴.

Как у издателя у Некрасова образовалась обширная переписка, в которую, помимо делового содержания, было вложено много личного. Она творчески реализовывала его душевные ресурсы, но и требовала максимальной их отдачи. Ведь из Москвы ему писали В. Брюсов и П. Муратов, из Франции – К. Бальмонт, Б. Зайцев из Италии, а из Бельгии – А. Белый... Письмам в то или иное время сопутствовали встречи. Теперь это была «передовая» его жизни, и здесь, как нигде

ярко, проявился его талант общения, интерес к новому делу.

Общение с именитыми писателями и поэтами, авторитетными переводчиками, популярными критиками существенно влияло на вкусы Некрасова, стимулировало и корректировало его проективный энтузиазм, но не лишало самостоятельности и инициативности.

Неожиданно, и в силу этого особенно интересно, его сообщение в письме Софье Леонидовне о собственной попытке литературной работы:

«У нас все то же пустынное ярославское лето ... Скучать, правда, не приходится ... Прибавил себе еще дела, взялся редактировать том Гюисманса, который переводит для меня сестра ..., а в книжке 300 страниц».

У трехтомного издания Ж.К. Гюисманса будет другой редактор, но чем упомянутое не доказательство того, что Некрасов – человек увлекающийся и имеющий смелость пробовать себя в новом качестве.

Ярославль с его делами не сразу, но все больше становился «тылом», и разговор Константина Федоровича с Софьей Леонидовной об общественных делах приобретал черты «домашности». На страницах письма мелькают имена знакомых, описываются анекдотические случаи, немного беззлобных шуток, придающих диалогу посвященных пикантность. Потом привычный рефрен в сопровождении жеста, и снова дела:

«...Долго качал головой. Как могли Вы ... схватить такую мерзкую болезнь?»;

«...Поправились ли?»;

«...Я здесь положительно [закипаю]: и свои дела, и колонии, и закоторосльский отдел [один из филиалов «Молодой жизни». – Г.М.], и еще затеяли прогулку в Романов ..., но чувствую себя прекрасно. Купаюсь и веду себя хорошо; ложусь в 1 час, встаю в 9. Но на днях с П. А.¹⁵ покутили и вернулись только в 5 утра.

Дела наши идут хорошо, в колониях полное благополучие ... Карабахскую колонию посетил в воскресенье Щапов с женой [П.П. Щапов – городской голова. – Г.М.]; я оставил его у нас обедать, потом гуляли. Остался очень доволен и обещал на будущий год 1000 рублей. Вчера прислал мне подарок для Карабахихи – крокет, серсо и лакомства.

... Смирнов передает нам сад «Молодость», и в воскресенье мы уже устраиваем там гулянье. В субботу отправляется 1-ая наша экскурсия в Романов; туда – пешком, назад – на теплоходе».

Надежное, казалось бы, благополучие – результат коллективных усилий и стараний председателя – нарушали неудачи, о которых тоже несколько слов:

«Вечерами почти каждый день в саду»; «Сад у нас идет плохо; убытки, народу бывает мало. Меня это не смущает, осенью поправим дела. Правление не собиралось уже недели три; в городе никого нет».

Нельзя не отметить оптимизма Некрасова. Этот настрой на успех будет неизменно сопутствовать всем его начинаниям и пошатнется лишь в самые тяжелые годы – станет их горькой приметой. Сейчас же появляются две новые темы, которые, в той или иной форме представленные, уже не исчезнут со страниц писем. Это выбор квартиры для Софьи Леонидовны и ее дочь-подросток Таня:

«...Тане кланяюсь» или «Посылаю 3 сорта набоек [набивной ткани. – Г.М.]; пусть Танечка выберет себе на платьице, которая ей больше понравится»; «В воскресенье был в Карабихе. Таня выглядит хорошо, ее хвалят воспитатели» [девочка на даче, рассказы о ее капризах не подтверждаются. – Г.М.] [21. Л.4, 7.];

«...Квартира, о которой я писал, не годится; нет воды, уборная холодная, хозяйка – монстр»;

«...Две квартиры на Рождественке ... Одна квартира – особняк в саду, 3 комнаты внизу и одна в мезонине, вода во дворе, цена 35 рублей. Другая квартира там же; верх деревянного дома, 4 комнаты – 45 рублей.

Снимать без Вас не решусь. Напишите, когда думаете приехать; к тому времени посмотрим и квартиру...».

Существование «на два дома» на многие годы закрепится как разными причинами обусловленная норма.

В одном из писем встречаем вопрос только на первый взгляд случайный: «Получаете ли “Голос”?». Газета охотно представляет читателям отчет о мероприятиях общества «Молодая жизнь»; предоставляя свои страницы женщинам. В момент, который мы обсуждаем, были напечатаны материалы об истории детских колоний за границей и в

России, подготовленные А.Д. Шаховской; решению разных проблем регулярными публикациями помогала О.П. Барыкова (в письмах Некрасова «О.П.» или «Ольга Павловна»), тесно общавшаяся с Софьей Леонидовной.

Фамилия самой Софьи Леонидовны тоже появилась в рубрике «Ярославская жизнь» под «письмом в редакцию» с названием «О надзоре за плохими няньками» [18. С. 3].

Это был эмоциональный, но не лишенный деловых соображений отклик на помещенную в «Голосе» несколькими днями раньше заметку о грубом обращении няни с малышом во время прогулки. Начав с возмутительной сценки, увиденной ею в одном из мест скопления гуляющей детворы, корреспондентка ссылалась на собственные же наблюдения в цивилизованной Варшаве, где «дама с голубым значком» (член женского общества) делала замечание няне за небрежное отношение к ребенку.

Сама будучи матерью, С.Л. Щерба выступила с почином необременительных для «общества взаимопомощи женщин» «дежурств в садах и на бульварах, где детвора собирается для игр на воздухе», и заканчивала экспрессивным утверждением, что решение важного вопроса воспитания детей – «прямая задача» общества, уверенно заявившего о себе в Ярославле.

Следом за первой появится и вторая ее небольшая статья, в которой рассказывается о посещении автором дачи для мальчиков в селе Медягине, что в восемнадцати верстах от города (не будет невероятным предположение, что это их совместная с Некрасовым поездка). В основной своей части публикация напоминает отчет об увиденном, но с живыми репортажными вкраплениями (три часа на тройке по размытой дождем дороге, беглый взгляд на облюбованную детьми липовую рощицу, более долгий и пристальный – на веселую гурьбу здоровых колонистов, выбежавших навстречу), не лишенный искреннего участия к детям, даже несколько пафосный:

«Помещение у них просторное и светлое. Спят все вместе с заведующим колонией – учителем [местного] училища М.А. Смирновым – в классе. Обедают в другом классе, где устроен большой стол. Аппетит у всех прекрасный. Воздух здесь хороший. Дети все

поправились, выросли. Рассказывали о том ... как собирали грибы, кто нашел боровик «как шапка на высокой ножке», кто видел зайца, кто ходил в ночное с крестьянскими лошадьми, кто на сенокос ...

Как легко ладить с детьми, если относиться к ним тепло и сердечно. М.А. Смирнов для них не начальство: он старший товарищ, которого они уважают ... Здесь одна дружная семья во главе со старушкой матерью Смирнова, относящейся к детям любовно и снисходительно.

Неудивительно, что дети ... с грустью думают о возвращении в город. Там ждет их школьная дисциплина, а дома, может быть, сырой подвал без света и воздуха» [18. С. 3].

В духе времени Софья Леонидовна заявляла о себе как стороннице принципа толерантности в педагогическом взаимодействии.

Будут и другие попытки «писать» (С.Л. Щерба выступит в качестве переводчицы с польского легенд древнего Египта Болеслава Приса), но сотрудником газеты она, наделенная умом и сноровкой, не станет. Не станет главным делом ее жизни и «Модная мастерская» с заграничными образцами вышитых платьев, реклама которой появится в «Голосе» в 1912 г. При поддержке Некрасова Софья Леонидовна проявит себя в другой области, но об этом позже.

В преддверии осени 1911 г. Некрасов снова в Крыму: письма [11. Л. 8-11 об.] следуют в Ярославль из Алупки, места тоже обжитого. Поменяв одну дачу на другую, Константин Федорович добивается желаемого и доступного комфорта:

«...Комната у меня будет чудесная; свой отдельный балкончик на море, свой спуск в сад и к морю и свое купанье; словом, на мой неизбалованный вкус – прелесть ... Дорого, но я рад, что устроился», «ем виноград и все, что полагается».

Непритязательный монолог с подробностями «расписания», или распорядка дня, приправлен сдержанной улыбкой по поводу собственного «благоразумия»:

«Здесь меня обожают москиты...»; «Можете себе представить, кто оказался моими соседями по столу? Семья нашего бывшего прокурора ...»; «Приезжие в ужасе, когда я рассказываю свой режим ... [длительные купания и загар. – Г.М.]. Но сердце у меня здоровое, кожа не боится солнца, и скука

пока не очень томит – самочувствие прекрасное. Это Вы можете видеть хотя бы из того, что 2 с половиной страницы я написал исключительно о себе».

Желая быть правильно понятым и чуть «играя», называет себя «паинькой» и решается на редкую пока откровенность:

«Знаю, что вы не сердитесь на это [прикованный к себе взгляд. – Г. М.]. Ваша доброта ко мне безгранична; я никогда не говорил Вам этого, но всегда чувствовал и радовался ... Вы мой добрый, хороший друг, Ваша ласка и внимание трогают меня, но что же делать, если я не могу дать Вам ...».

Письмо сохранилось не полностью. Утраченная его часть скрывает тайну сказанных слов, ставя предел исследовательскому любопытству.

Второе письмо во многом подобно первому, но мысли пишущего уже в Ярославле («Скоро я поеду на любезный Север») – он думает о книгах:

«Беспокоит меня ..., как пойдет дело и справлюсь ли я с ним. ... Отсюда мне видно, что я размахнулся довольно широко. По денежному обороту дело сразу удваивается. Теперь остановиться уже нельзя, да, если бы и можно было, я не стал бы; в дело я верю, но все-таки жутко.

Здесь я читаю Марлинского и окончательно уверился в одной мысли, которая давно у меня в голове. Я хочу издать собрание русской поэзии и прозы 20-ых годов прошлого века. В него войдут лучшие вещи того времени – малоизвестные. Иллюстрации же и внешность будут современные – хорошо, если бы за них взялся К. Сомов. Внешность должна быть не простой подделкой и стилизацией, т.е. не такой, как она была, а такой, какой представляется нам теперь – через столет. ... Между прочим, хочу издать Баратынского¹⁶».

В очередной раз, возвращаясь к действительности, Константин Федорович объяснял, что отдых его составляют купание, виноград и хороший обед, что умеренную скуку считает полезной для себя, а курортный политес в виде необходимых застольных любезностей, променадов и сопутствующих им пустых разговоров его тяготят, побуждают к молчанию и отказу от новых знакомств...

Конец письма опять отсутствует, но недосказанность не мешает понять главного: он

признает узы – добровольные обязательства в определенных пределах.

По возвращении, несмотря на изменившуюся жизнь, насыщенную поездками в Москву, общением с людьми, составляющими цвет русской культуры, одновременно повседневными ярославскими делами, поглощающими время Некрасова, сближение его с Софьей Леонидовной продолжается и, хотя не приводит «к венцу», становится общественно узаконенным. Обращение «многоуважаемая» в декабрьском письме 1911 г. воспринимается как подчеркнуто неоднозначное, связанное с намеками и легким подтруниванием по поводу легализации их связи: «таким образом обнаружилась правда». Лояльность интеллигентного окружения к «романным» отношениям и гражданским бракам тоже примета времени – были такие среди знакомых и близких Некрасова.

Итак, центром «вселенной» остается дело: оно все теснит, многое преобразует, обогащает жизнь новыми нюансами, но прежней остается манера посланий к Софье Леонидовне. Они искренни и чаще касаются его карьеры, путей достижения успеха – основы для самооценки:

«Всегда меня радует здесь, в Москве, отношение людей, с которыми я работаю; судя по этому, делу предстоит прямо-таки громадное будущее, но, конечно, при условии, что я справлюсь с материальной стороной»;

«Бываю здесь по нужным людям, вечера просиживаю часто в ресторанах тоже с нужными людьми, в театрах не бываю»;

«Перерыл все книги, но Анатоля не мог найти. Кажется, кому-то отдал. Посылаю По и Гамсуна. Я люблю и того, и другого»;

«Жалко кончать беседу с Вами, но у меня настройщик органа, который так воеет (конечно, не настройщик, а орган), что положительно нельзя писать. ... Не хворайте, пожалуйста».

Был ли другим 1912 год? В определенном смысле, да. Писем стало больше, что связано с участвовавшими расставаниями. «Книгоиздательство К.Ф. Некрасова» (контора его была в Москве, а типография в Ярославле) набирало силу, конкурируя с самыми известными столичными издательствами, с некоторой оглядкой на них и в общении с ними. Авторы привлекало качество издаваемой Некрасовым продукции, выгодные условия оп-

латы, аккуратный расчет, при необходимости финансовая помощь, авансирование подготовительного этапа. Привлекательной была и личность издателя, делового, но не сухого, увлекающегося, но не забывающего об обоюдной выгоде.

В январе «Голос» представил читателям список увидевших свет и находящихся в производстве книг, а Некрасов уже хлопотал о журнале. Не все ладилось, не было уверенности в правильности предпринимаемых усилий, «расхолаживали опытные люди», как он писал Софье Леонидовне, бывшей в курсе его дел (название журнала не уточнялось).

Короткие письма преобладали вплоть до сентября, когда Некрасов спешно уехал в Ялту, сопровождая мать и сестру. Редкое «безделье» располагало к разговору: в Ярославль написал на следующий день по прибытии, упомянув, что хотел пообщаться еще в дороге, да «открытки писать рука не поднимается», а для закрытого письма не было сил [21. Л.13-14].

Новизна описываемого недолго будоражит наше воображение: дорогу от Севастополя до Ялты на автомобиле путники проделали за четыре с половиной часа – это прогресс. Но у моря шел дождь и было «все уже убрано», а «Ялта без купания» для Некрасова «мало стоила». Дальше – как будто герой сунул голову в прорезь фанерной декорации, хранящей впечатления пробежавших лет:

«Все-таки здесь очень хорошо, но как-то уныло или, лучше сказать, меланхолично. Сезон, в сущности, уже кончился, остались больше больные, ... дефилирующей публики мало, Александровский сквер пустеет. Но в «России» еще много народу; дамы в удивительных платьях, ... кавалеры – больше военные, ... офицеры или генералы».

Строчки, написанные пятью днями позже, поддерживают эффект «дежавю»:

«Время провожу как всегда, растительно, часами лежу на солнце, купаюсь и ничего не делаю ... С матерью и сестрой ездим в окрестности часто ... Здесь кое-кто из ярославцев...» [20. Л. 16-16 об.].

Так, следом за курортным бытом сложился тип курортного послания с набором присущих ему содержательных элементов и языковым кодом. Эмоционально окрашенная натурность, занятия и ощущения пищевого, длительная интеллектуальная рефлексия:

«Год для меня предстоит тяжелый и даже роковой. Почему-то я решил, что к 40 годам я должен прочно поставить свои материальные дела, а 40 мне стукнет в сент. 13-го года. Предзнаменование для меня удачно; о первой книжке этого сезона, Павел I Морана, Измайлов¹⁷ в «Рус. Слове» написал в высшей степени лестную статью. Книжка пошла и, надеюсь, разойдется. О Нервале¹⁸ обещал написать Ауслендер¹⁹, от которого сегодня я получил милое письмо. Будут и дальше хорошие книги, может быть, и книжный год будет лучше прошлого. Поживем увидим, а главное – поработаем. ... Хочется назад, к своим делам; томит все-таки вынужденное бездействие» [21. Л. 17].

Бездействие не свойственно было и Софье Леонидовне:

«Как идут Ваши дела? Есть ли ученицы [возможно, это работницы модной мастерской. – Г.М.], т.е. довольны ли их? ... Очень интересуюсь, завтра пойду на почту, может, найду от Вас письмо. Между прочим, был здесь на выставке дамских рукоделий; все те же работы, что я видел у Вас. Много изящно, но многое аляповато и безвкусно. На то и др. цены драконские» [21. Л. 16 об.].

Усмиряя свой публикаторский пыл, отметим последнее. Отъезду Некрасова в Крым непосредственно предшествовало событие, которое не нашло отражения в письмах к Софье Леонидовне, но не однажды упоминалось в «Голосе». Это проходивший в Москве съезд книготорговцев и издателей, инициированный Д.И. Шаховским. Продемонстрировав осведомленность и в этой области деятельности, он проводил идею создания синдиката книжного дела, подчеркивал государственную важность подобного профессионального объединения, ставил перед ним конкретные культурные задачи.

Прекрасный публицист, Д.И. Шаховской впечатляюще доказывал свою правоту, взяв для примера императора Петра, «первого русского издателя и поощрителя книжной торговли», и Н.И. Новикова, «который, не пользуясь никакой правительственной властью, сумел создать исключительно крупное книжное предприятие и журналистику в России». Две эти «глубоко русские личности» начала и конца XVIII века, поборовшие «азиатчину», приспособившиеся к «самым трудным условиям своего времени», должны были послужить их потомкам маяками в смуте настоящего [22. С. 3].

Некрасов вполне соответствовал моделируемому Д.И. Шаховским образу прогрессивного издателя и книготорговца²⁰, в котором профессиональная компетентность сочеталась с европейской культурой и отзывчивой русской душой. Но был ли он сам на съезде, где обсуждались узкоспециальные проблемы, а князь-оратор подводил под них способную объединить деловых людей платформу просвещенной государственной политики, нам не известно. Умолчание об этом в письмах Некрасова с юга заставляет задуматься: возможно, то и другое уже не имело для него острого интереса, было завоеванным участком жизни.

Вектор интереса издателя, прекрасного организатора и персонально деловитого человека, поставившего на ноги свою фирму и не перестававшего печься о ней как об источнике материального благополучия и морального удовлетворения, одновременно с тем – мечтателя, отклонялся в сторону коллекционирования. В новом деле собирательства и антиквариата («антикварства», как он сам говорил) Софья Леонидовна будет полноценным партнером Некрасова, прежде чем стать его «полноправной женой».

Примечания

1. К.Ф. Некрасов (1873-1940) – племянник Н.А. Некрасова, сын его младшего брата Федора Алексеевича. Родился в Карабихе; окончив 2-ой Московский кадетский корпус, вернулся в родной дом. Карьера военного приостановилась из-за проблем со здоровьем [3. С. 159].
2. Шаховской Дмитрий Иванович (1861-1939) – князь, российский земский деятель, публицист, активный член партии кадетов; в 1917 – министр Временного правительства. Репрессирован, реабилитирован посмертно [1].
3. Дружинин Николай Петрович (1858-1941) – общественный деятель, сотрудник местных и столичных изданий, автор многих книг по крестьянскому вопросу [5. С. 39].
4. Кадеты (1905-1917) – «конституционные демократы», то же «партия народной свободы» – выступали за конституционно-парламентскую монархию, демократические свободы, отчуждение помещичьих земель за выкуп; в числе лидеров были П.Н. Милуков, А.И. Шингарев, В.Д. Набоков [1].

5. Энергичные строчки содержали адресованный недавнему соратнику настоятельный совет познакомиться с Булгаковым, Корниловым, другими полезными для партийной пропаганды людьми: «...Надо направить свои усилия на хозяйственную жизнь», «сейчас представляется возможным начать дело в области издательства и типографии, если бы были подходящие силы ... (но тут все зависит от индивидуальных вкусов, планов и наклонностей). Мне хочется только, чтобы пребывание в Москве дало бы Вам возможность подготовить почву себе в этой области ... В частности, очень Вам рекомендую зайти к Вернадским, познакомиться особенно с женой проф. Вернадского, Нат. Игоревной и ее сыном Георгием Владимировичем. Он ... большой патриот кадетизма. И я думаю, многое обещает для него сделать. Я написал Вернадской о Вашем посещении ...»;
«Хорошо, если бы Вы сходили ... к Ледницкому поговорить о многообещающих начинаниях» [польский журналист, из окружения В.Я. Брюсова. – Г.М.].
6. Исследовавшая участие Некрасова в деятельности «Молодой жизни» Е.В. Яновская ссылается на устав организации, так формулирующей свою цель: «доставлять молодым людям школьного возраста и детям различные развлечения и занятия», чем «оказывать благотворное влияние на физическое, нравственное и умственное развитие молодежи» [7. С. 20].
7. Позволим себе процитировать некролог: «...В московской больнице скончался Дмитрий Иванович Давыдов, который прослужил и прожил в Ярославской губернии более 10 лет. Мало кто знает сейчас этого человека, ... бросившего блестящую карьеру в столице ради службы земским начальником сперва в Пошехонском, а затем в Ярославском уезде, где близь села Шаринья у него было маленькое имение».
Позже дружески преданный Некрасов позаботится о детях умершего. В 1914 г. он так напишет Софье Леонидовне: «Я здесь получил письмо от одной старой знакомой, вдовы моего большого приятеля; его приемной дочке исполнилось 10 лет, и надо устроить ее куда-нибудь в гимназию Для меня это дело большое; покойный Дмитрий Иванович Давыдов хотя и на словах, но не один раз завещал мне заботу о ней; ... и конечно, сделаю все, что смогу» [25. Л. 7-7 об.].
8. Константин Николаевич Смирнов упоминается в письмах как «К.Н.». О его кончине от чахотки в 1912 г. Некрасов сообщит в «Голосе»: «Кто знал покойного – тот любил его. Такого отзывчивого и кроткого человека, такого добросердечного нельзя было не любить. В Ярославле он управлял палатой мер и весов ..., и был бы бессменным председателем общества “Молодая жизнь”, если бы недуг не заставил его отказаться от дел». Он преподавал в одной из гимназий и слыл «педагогом в лучшем смысле этого слова» [9. С. 4].
Думаем, что не только признательность побуждала Некрасова писать о своих земляках, но и следование обнародованной в первом номере «Ярославских зарниц» цели – рассказывать о тех, кто рядом, о «безвестных героях» «смутного времени» [12. С. 414].
9. В 1911 г. в Ярославле было завершено строительство нового театра, которому сразу же присвоили имя Ф.Г. Волкова. Первым антрепренером стал А.П. Воротников. Вероятно, в письме Некрасова говорится о подготовке к ярославским торжествам с участием артистов Малого и Художественного московских театров, а также представлявших их А.И. Сумбатова-Южина и В.И. Немировича-Данченко [12. С. 421-422].
10. Сеем предположить, что этот брат – Владимир, окончивший медицинский факультет Московского университета и работавший сначала на кафедре патологической анатомии, а потом в Старо-Екатерининской больнице Москвы хирургом [2. С. 268].
11. В апрельском письме к нему А.В. Тырковой (видный член партии кадетов и сотрудница ярославской газеты «Северный край» [14. С. 2]) читаем: «Только что узнала в Москве от Шаховского, что Вы принимаетесь за книгоиздательство и начинаете серию биографий» [13. Л. 2].
12. Борис Константинович Зайцев (1881-1972) – писатель, переводчик; друг Муратова. Павел Павлович Муратов (1881-1950) – писатель-эссеист, искусствовед (знарок античного искусства, искусства эпохи Возрождения, древнерусского искусства), литературный и художественный критик.
13. Уильям Бекфорд (1760-1844) – английский писатель; в 1784 г. издал на французском роман «История халифа Ватек», который в 1786 вышел в Лондоне на английском как «сказка для взрослых» [3. С. 166-167].
Чтобы дать знать, каким было первое издание, представим фрагмент рецензии С. Ауслендера в московской газете «Речь» от 12 марта 1912 г.: «В России эта благоуханная книга появляется в виде вполне достойном. Она изящно издана. Перевод Зайцева сохранил весь аромат, всю классическую простоту подлинника. Очень интересна с большим одушевлением написанная вступительная статья П. Муратова. ... Эта маленькая ... книжка должна занять по всем правам принадлежащее ей место среди фолиантов переводной литературы классиков» [26. Л. 12 об.].

14. Б. Грифцов (историк западно-европейской литературы, переводчик), предлагая свои знания и ссылаясь на близко знакомых ему Б. Зайцева и П. Муратова, писал в октябре 1911 г.: «Ваши задачи – насколько я представляю их – познакомить русское общество с главными течениями западной культуры» [15. Л. 1,2 об.]. И время спустя: «Определившиеся направления Вашего книгоиздательства очень позволяют думать, что в нем сбудутся давние мечтания. (Я слышал, что даже Каролину Павлову Вы собираетесь издавать!). И затем серия маленьких монографических очерков открывает еще какие-то прекрасные возможности [16. Л. 2].
В книгоиздательской деятельности Некрасова, начавшего с выпуска календарей – памятных книжек-справочников, представлявших картину повседневной жизни губернии [7. С. 22], действительно, постепенно складывались следующие направления: русская классическая и современная литература, западноевропейская литература, исторические мемуары, биографическая серия, издания по древнерусскому искусству.
15. Петр Андреевич Критский (1865-1922) – известный в Ярославле краевед, общественник; журналист, секретарь редакции «Голоса» [5. С. 39].
16. Работать над изданием Баратынского Некрасов предложил Ю. Айхенвальду. Тот, хорошо знавший Некрасова и связанный с ним сотрудничеством, «при всей своей любви к Баратынскому» над «давно желанным изданием» работать отказался: «Я просто не компетентен: я не историк литературы, не библиограф, я – только критик, и справиться с предложенным Вами трудом мне было бы не под силу. Здесь надобен был бы В.Я. Брюсов или А.Г. Фомин (из Петербурга), или М.О. Гершензон...» [19. Л. 1]. Брюсов идею Некрасова поддержал, как и во многих других случаях, но Баратынский все-таки издан не был.
17. Измайлов Александр Алексеевич (1873-1921) – критик, беллетрист, поэт и пародист.
18. Жерар де Нерваль (1808-1855) – французский поэт и прозаик, представитель позднего романтизма. Четыре вещи Ж. де Нерваля («Сильвия», «Октавия», «Аврелия», «Изида») были изданы в переводе Е.С. Урениус, жены П.П. Муратова, под его редакцией и с его вступительной статьей.
19. Ауслендер Сергей Абрамович (1886-1943) – поэт, прозаик и критик; сотрудничал с Некрасовым.
20. В Москве и Петербурге К.Ф. Некрасов владел складами, занимавшимися реализацией книжной продукции, издаваемой и принятой на комиссию.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – М., 2007. – 3 электрон. опт. диска (3 CD-ROM).
2. Некрасов, Н.К. По их следам, по их дорогам [Текст] / Н.К. Некрасов. – Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд., 1975. – 304 с.
3. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова [Текст] / вступит. ст., публ. и ком. И.В. Вагановой // Лица: Биографический альманах. 3. – М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. – С. 155-265.
4. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 292.
5. Каныгин С.С. Автобиографический очерк [Текст] / С.С. Каныгин // Ярославская старина. Вып. 6. – 2005. – С. 32-39.
6. Как заботится город Цюрих о своих детях [Текст] // Голос. – 1910. – № 97. – 26 апр. (8 мая).
7. Яновская, Е.В. Роль интеллигенции начала века в формировании культуры русской провинции (на материале жизни и деятельности К.Ф. Некрасова) [Текст]: автореф. ... дис. канд. культурологии / Е.В. Яновская. – СПб., 2008. – 29 с.
8. Некрасов, К. Памяти Д.И. Давыдова [Текст] / К. Некрасов // Голос. – 1912. – № 23. – 28 янв. (10 фев.).
9. Некрасов, К. Константин Николаевич Смирнов [Текст] / К. Некрасов // Голос. – 1911. – № 222. – 4 (17) окт.
10. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 326.
11. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 327.
12. Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / под ред. д-ра ист. наук, проф. А.М. Пономарева [Текст] / А.М. Пономарев и др. – Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд., 1990. – 432 с.
13. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 269.
14. Прохоров, В. Нас так немного на челне... [Текст] / В. Прохоров // Северный край. – 2007. – № 109. – 10 окт. – С. 2.
15. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. Ед. хр. 84.
16. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. Ед. хр. 85.

17. Щерба, С. О надзоре за плохими няньками [Текст] / С. Щерба // Голос. – 1911. – № 95.– 29 апр. (11 мая).
18. Щерба, С. В Медягинской колонии [Текст] / С. Щерба // Голос. – 1911. – № 174.– 3 (16) авг.
19. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 6.
20. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 328.
21. Щерба, С. Из легенд древнего Египта Болеслава Приса [Текст] / С. Щерба // Голос. – 1912. – № 247. – 22 окт. (7 нояб.).
22. Речь кн. Шаховского при закрытии съезда книготорговцев и книгоиздателей в Москве [Текст] // Голос. – 1912. – № 170. – 24 июля (6 авг.).
23. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 357.
24. Ваганова, И.В. Книгоиздательство К.Ф. Некрасова (1909-1916) [Текст] / И.В. Ваганова // Двадцать шестая Некрасовская конференция (к 170-летию со дня рождения). Тезисы докладов. – Ярославль, 1991. – С.41-43.
25. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 332.
26. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. Ед. хр. 258.